

ГЛАГОЛИЦА СВ. КИРИЛЛА: К ИСТОКАМ СЛАВЯНСКОЙ ДУХОВНОСТИ

Л.Б. КАРПЕНКО

Самарский государственный университет,
г. Самара, Российская Федерация

(Окончание. Начало в №1 '2010)

Религиозно-философское обоснование символизма глаголицы

Оценивая предшествующий опыт изучения глаголицы, подчеркнем, что азбука исследовалась преимущественно с позиций формального палеографического подхода и исключительно как фонографическая система, т.е. как обычный алфавит. Двухвековые сопоставления с самыми разными алфавитами других языков не привели к обнаружению ее прототипа, а попытки объяснения начертаний не дали ключа к их разгадке. В самом общем смысле христианский символизм находил в глаголице Г. Чернохвостов, но его идея не получила развития¹. Трудности исследования азбучной проблемы связаны прежде всего с тем, что, как уже говорилось, не существует текстов, объясняющих замысел Константина-Кирилла. При отсутствии прямых свидетельств условием решения азбучной проблемы должно стать установление содержательного контекста, соответствующего знаковому коду созданной Константином-Кириллом азбуки, установление содержательной связи между знаками азбуки и характером деятельности Константина-Кирилла, его религиозно-философскими представлениями. Такой подход в кирилломефодиевистике прежде не был реализован: *загадка азбуки и религиозно-философский контекст деятельности Константина-Кирилла рассматривались отдельно друг от друга.*

Принципиально новым в данном исследовании было рассмотрение азбуки в широком контексте Библии и раннехристианской литературы. Были также учтены те религиозно-философские и эстетические концепции, которые получили развитие в сочинениях отцов Восточной церкви и могли послужить источником для формирования мировоззрения Константина-Кирилла². Такой подход подсказывается религиозно-философской направленностью взглядов создателя славянской письменности, как они восстанавливаются на основании исторических памятников.

Осмысление азбучной проблематики в широком контексте христианской культуры, в контексте символических значений Библии избрано не случайно. Ведь письменная традиция славян начинается с принятием христианства, а потому расшифровка символики глаголицы невозможна вне контекста раннехристианской культуры. Крещение для славян означало их приобщение к европейским духовным ценностям. Центром же их сосредоточения в конце I тысячелетия н.э. была Византия, обладавшая богатейшим наследием эллинской культуры и сформировавшая на почве христианства новые эстетические каноны и формы искусства. Одним из основополагающих учений византийской культуры была теория символов, разработанная религиозными философами и трактованная символы как средства метафорического выражения Божественной истины и красоты, как особые священные знаки, в которых в прикровенной форме явлено человеку Божественное знание. Именно такому пониманию символического, как это будет показано далее, и соответствуют загадочные начертания и имена первых славянских букв.

¹ Заметив в глаголице знаки с треугольником и кругом, Г. Чернохвостов предположил, что все знаки скомбинированы из этих трех христианских символов. Такое толкование страдает схематизмом. На самом деле фигуры треугольника и круга присутствуют в начертании отдельных знаков.

² Нами изучены также и палеографические особенности таких старославянских глаголических памятников, как Ассеманиево, Зографское, Мариинское евангелия, Синайская псалтырь, Синайский евхологий, Македонский глаголический листок, Киевские и Пражские глаголические листки, Клоцов сборник и др., а также копии рукописей Синайского монастыря св. Екатерины, опубликованных в 1988 г. Й. Тарнанидисом. Кроме того к рассмотрению привлекались древние азбучные ряды и азбучные акростихи, особенности художественного оформления древнеславянских рукописей, иконописи.

Изучение прямых и косвенных источников, отражающих творчество Константина-Кирилла, позволяет определить философские школы и конкретные имена, которые могли оказать влияние на формирование мировоззрения первоучителя. Это были философы патристического направления – отцы Византийской Церкви – и в особенности каппадокийский философский кружок. Его представителями были св. Василий Великий, св. Григорий Нисский и особо почитаемый Кириллом философ раннего христианства св. Григорий Богослов [имя Григория упоминается в сочинениях Константина Философа – в его молитве св. Григорию (ЖК) и в «Написании о правой вере»].

Характеризуя время, в которое сложился каппадокийский кружок, Г.В. Флоровский указывает, что IV в. был переходной эпохой. В Церковь стали проникать элементы античного знания (платоническая аскетика, неоплатонистическая метафизика), первоначально чуждого христианству, но позднее христианством воспринятого и преобразованного. Среди них были и представления о символе и символической функции имени.

Одна из основных тем, которую развивали каппадокийцы, стала философия символа и имени как средств богопознания. Возражая сторонникам Ария, утверждавшим возможность познания Бога через имя (кто знает имя Бога, тот знает и Его сущность), каппадокийцы учили, что у Сущего нет и не может быть имени. Любые наименования Бога могут восприниматься только метафорически. Все имена, по Григорию Нисскому, выражают не сущность Бога, а только человеческие представления о результатах Его деятельности. Бог не может быть объят ни именем, ни мыслью. Он не изглаголан, не изречен.

Григорий Богослов, ссылаясь на афоризм Платона, говорит: «Изречь Божественное невозможно, а уразуметь еще более невозможно». Нельзя до конца перевести опыт веры на язык понятий. И потому Бог не именуем. Продолжая идеи св. Василия Великого и Григория Нисского, в одном из гимнов, выражающих религиозно-мистические настроения эпохи, Григорий Богослов называет Бога Превышающим все, Несказуемым для слова, Неизреченным, Непостижимым, Всеименным и Безымянным. В его понимании высшее из благ – знание Бога, но оно открывается только в созерцании [1, с. 105].

Проблема имени, символа, поставленная в связи с осмыслением содержания Библии как одна из центральных проблем эпохи, получила развитие и в трудах Дионисия Ареопагита, влияние которого на Константина-Кирилла также не подлежит сомнению. Достоверным свидетельством того, что Философ был прекрасно знаком с сочинениями Дионисия Ареопагита, считается сообщение об этом Анастасия Библиотекаря. Современник Константина-Кирилла, лично знакомый с ним и слышавший его в Риме, Анастасий Библиотекарь в одном из писем сообщает, что Константин-Кирилл Философ публично хвалил сочинения Дионисия, знал их наизусть, советовал использовать в качестве оружия для борьбы с ересями, указывал, как полезно их содержание для наставников [2].

Тема божественных имен и божественных символов нашла отражение в трактатах Дионисия Ареопагита «О божественных именах», «Мистическое богословие» и «Символическое богословие» (последний трактат был утерян, и его содержание воссоздается по письму к Титу). Божество, по Ареопагиту, невыразимо ни для какого слова, превыше любого слова, ибо Сверхсущий недоступен познанию. Но Божество и многоименно в силу тех свойств, которые ему присущи как Причине всего сущего. В Библии Бог являет себя во многих именах: Я есмь Сущий (Εγώ εἰμι ὁ ὢν) – Исх. 3, 14; Жизнь (ἡ ζωή) – Ин. 14, 6; Свет (τὸ φῶς) – Ин. 8, 12; Бог (ὁ Θεός) – Быт. 28, 13; Истина (ἡ ἀλήθεια) – Ин. 14, 6; Благой (ἀγαθόν) – Пс. 26, 4; Мудрый (σοφόν) – Ис. 5, 1; Бог Богов (ὡς Θεὸν Θεῶν) – Пс. 49, 1; Святая Святых (~ Ἁγίον ἁγίων). Богословы поэтому называют Его и как Безымянного, и как сообразного всякому имени.

Исходя из своего понимания Божества, Дионисий намечает два способа постижения и обозначения Бога – катафатический (утвердительный) и апофатический (отрицательный). Катафатический способ соответствует традициям эллинской эстетики и состоит в постижении Божественного через совершенные, «подобные» образы, соответствующие своим содержанием Божественному. Апофатический способ использует «неподобные» образы, противоположные античным идеалам. Именно им Ареопагит отдает свое предпочтение. О Боге ничего нельзя сказать утвердительно, Он больше каждого определения. Поэтому для обозначения Бога больше подходят образы, заимствованные от предметов низших и презренных, таких, как растения, камни и даже черви. Апофатические образы, строящиеся по законам контраста, должны ориентировать на противоположное, возвышенное, должны возбуждать дух и возводить его к «истине», приблизиться к которой можно лишь посредством соответствующих символов.

Ареопагит следует традиции греческой патристики, согласно которой Божество не «доказывается» (ἀπόδειξις), а «показывается» (δείξις). В письме к Титу он указывает на два способа передачи информации об истине: один – явный и общедоступный, другой – невысказываемый и тайный, символический. По мысли Ареопагита, в символическом богословии показывается, что означают божественные образы, формы, символические изображения и знаки, которые возвещают о Боге метафорически. Вся информация о высших истинах заключена в символах, но их предназначение противоречиво. С одной стороны, символ служит для обозначения и тем самым для выявления непостижимого, с другой – является покровом, оболочкой, скрывающей неизреченное. Знание, скрытое в символах и знаках, постигается через заключенную в них гармонию и красоту. Таким образом, в учении Ареопагита символ предстает в качестве универсальной религиозно-философской категории.

Как видим, европейская мысль в эпоху, предшествующую созданию первой славянской азбуки, характеризуется сложившейся традицией глубокого осмысления природы символического. Средневековые христианские мыслители осознали символичность явлений культуры и, главное, определили роль символа как средства «выражения невыразимого». Они создали духовную атмосферу, необходимую для восприятия возможных знаковых форм «невыразимого». Ими были намечены те ключевые позиции, опираясь на которые, Константин-Кирилл смог разработать азбуку как символическую систему сакрального языка христианства. Именно поэтому в контексте Библии и святоотеческих сочинений так же, как и все творчество Константина-Кирилла, знаковая система глаголицы «оживает» и получает непротиворечивое истолкование.

Переходя к обсуждению творческого наследия св. Кирилла, прежде всего следует сказать, что византийской эстетической системе соответствует то общее понимание божественного, которое находим в его сочинениях, в том числе в «Написании о правой вере». Обращает на себя внимание также общность «мировоззренческого стиля», обнаруживаемого мыслителями византийской патристики и Кириллом, который прославляет Бога, следуя традиции Восточной Церкви в двух указанных способах – катафатическом и апофатическом. Используя положительные образы, он называет Бога Отцом, Вседержителем, Творцом, Господом, Единым, Единопресовершенным, Пресовершеннейшим, а в отрицательных суждениях именует Его Безначальным, Безвременным, Бесплотным, Невидимым, Необъемлемым, Неописанным.

При анализе символизма глаголицы, можно обнаружить и более тесные содержательные связи. Основные составляющие глаголицы – графические символы и их имена – в соответствии с патристической идеей «показательства» Бога являют два уровня представления сакрального знания: уровень *символический*, тайный, «неизреченный», который соотносится с начертаниями, и уровень *явный*, словесный, соотносящийся с азбучными именами.

Азбука Константина-Кирилла глаголица отвечает основному принципу ранневизантийской философии в понимании Божественного, поэтому во всей совокупности ее знаки и «многоименны», и «безымянны». Безымянность характеризует последние буквы азбуки, она присуща в большей мере буквам, соответствующим славянской речи, а не тем, которые, по словам Черноризца Храбра, были составлены «по чину греческих». В безымянности, недооформленности последних букв как будто заложен особый смысл, ведь безыменные символы более соответствуют выражению Божественного. Славянские буквы – более святы (об этом как раз и говорит Черноризец Храбр). Так может восприниматься, например, символ **Цы** (Ϡ), ни имя, ни форма которого до сих пор не получили истолкования. Как будет показано далее, **цы** в семиотической системе глаголицы воспринимается как символ Церкви Христовой: **Цы**, скорее всего, есть сокращенное написание **цръкы**.

Имена букв характеризуются содержательным разнообразием. И в этом также соответствуют эстетическим принципам своей эпохи. Среди них часть ассоциируется с возвышенными, идеальными, «подобными» образами: **Вѣдѣ**, **Глаголи**, **Добро**, **Покой**, **Слово**... Имена других букв в прямых своих значениях связаны с обозначением «недостойных предметов», «тварного мира»: **Чръвь** (червь), **Идѣ** (еда, пища), **Хлѣ** (холм). Эта особенность тоже соответствует учению о божественных именах. Ведь для изображения высших духовных сущностей лучше заимствовать образы от предметов низших и презренных, таких, как животные, растения, камни и даже черви. При этом божественным предметам воздается значительно больше славы.

Не менее важно учитывать непосредственно библейский текст, послуживший основой как для раннехристианской теории имен и символов, так и для христианской миссионерской азбучной системы Кирилла. Имена букв в глаголице соотнесены с начертаниями. Символический смысл имен букв (их внутренняя форма) постигается через связь с соответствующими им графическими сим-

волами, вместе они получают «прочтение», попадая в призму образно-символического строя Библии. Например, **ІАТЬ А** – в библейском контексте опознается как символ Троицы. Три угла, три стороны треугольника, три луча сходящиеся в центре, образующие крест, символизируют Троицу. Бога символизирует и имя буквы **ІАТЬ** восходящее к **ІАДЬ** «еда, пища» [3]. Но пищей называется в Евангелии Христос: **Плоть Моя истинно есть пища** (Ин. 6, 55).

Названия букв глаголицы в свете символического богословия воспринимаются как сакральные имена. Все они содержательно соответствуют контекстам Библии, в которых передается проявление Божественной воли по отношению к человеку. Одновременно в них содержательно «откликаются» фрагменты Псалтыри и Евангелия, значимые для православного вероучения. Каждое имя буквы поддержано со стороны Библии, укоренено в ней и живет ее смыслами. Более того, имя буквы, вбирая в себя соответствующие библейские контексты и тем самым становясь символом, выполняет продуктивную функцию: создает смысловое поле, порождающее новые значения в пространстве славянской культуры.

Опора на библейский контекст обусловила принципиальную возможность появления разных азбучных акростихов (Азбучной молитвы, акростиха «Азь есмь всему миру свет...» и др.) с общим или очень близким содержанием. Каждый из них представляет собой свернутый библейский текст, сохраняющий и передающий через ключевые символические образы «слово», «мудрость» («ведение»), «закон», «жизнь» и др. всю полноту сакрального содержания первоисточника. В библейском тексте между такими именами-символами, как «ведение», «добро», «глагол», «закон», «завет», «жизнь», «земля», «слово», «твердо», существуют устойчивые содержательные связи, основанные на нравственно-дидактических мотивах. С их помощью многократно повторяется религиозно-назидательная мысль: ведение, мудрость, добро дает Господь; устами его говорят глаголы вечной жизни; Земля должна следовать заветам Бога; слово, сказанное Богом, твердо; слово человеку дано Богом, и оно также должно быть твердым.

В силу устойчивости смысловых связей, устанавливающихся между ключевыми библейскими символами праведности, и азбучные имена реализуют свои содержательные связи. Именно поэтому не только раздельное значение имен букв связано с выражением идеи Бога, но и имена букв составляют фразы из узнаваемых христианских речей: **Азь во҃кы вѣдѣ; Глаголь добро кстѣ; Людие мыслитѣ; Нашь он покой; Рьци слово тврѣдо**. Показательно в этом смысле образуемое именами выражение **Рьци слово тврѣдо**, напоминающее ряд библейских высказываний: Будет твердо всякое слово (2Кор. 13, 1); Возвещенное слово было твердым (Евр. 2, 2) и подобные им. Образующие именами букв синтагмы представляют собой как бы ключевые заповеди Библии, выраженные в азбучном тексте. И, наконец, вместе имена славянских букв составляют на уровне смыслов закодированный метатекст, символизирующий одновременно и «тропу жизни», установленный Богом порядок сущностей: **Азь – Живѣте – Земля – Покой – Чрьвь – Хлѣмъ**, и напутствие, закон праведной жизни: **Глаголь добро кстѣ; Живѣте зѣло; Людие мыслитѣ; Наш он покой; Рьци слово тврѣдо**.

Итак, имена букв являются уникальным феноменом древнеславянской письменной культуры. В свете изложенных идей получают непротиворечивое истолкование такие неясные с точки зрения современного восприятия и традиционно затрудняющие исследователей особенности имен славянского алфавита, как их смысловая разнородность (**Добро, Слово и Чрьвь**), незавершенность ряда имен, лексическая недостаточность последних имен (**Цы, Ша, ІѢрь, Хлѣ** и др.). Путь познания Бога, как пишет Г.В. Флоровский, «есть путь отвлечения и отрицания, путь упрощения и умолчания... И по мере приближения к самому Богу язык бледнеет и оскудевает в словах» [4]. Он постигается мистически через символы. Именно такую логическую и символическую последовательность и представляет созданная Константином-Кириллом азбука глаголица.

Понятие о символической матрице глаголицы

Начертания глаголических букв так же, как и их имена, обусловлены содержанием Священного Писания, они воспроизводят наиболее значимые с точки зрения христианства аспекты отраженного в Библии религиозного миропонимания. При анализе в библейском контексте глаголица открывается не как обычный буквенно-звуковой алфавит, а как более сложная и совершенная семиотическая система. Знаки глаголицы помимо фонографических свойств обладают свойствами идеографии и символической функцией многоуровневого кодирования христианской «картины мира» с ее ценностной системой. Если фонографический критерий существенно отразился на ее составе

и в определенной степени на последовательности букв, идеографический критерий является определяющим для начертаний.

Можно говорить о древности и универсальности приемов создания глаголического знакового образа и его графического воплощения. Они основаны на механизме перевода словесно переданного образа в образ визуальный. Свойственные азбучным начертаниям приемы создания визуального образа строятся на универсальных тропах: на метафоре, метонимии или синекдохе (Овен-Агнец – символ Христа; росток – символ жизни; эмбрион – символ рождения; кривые пути – символ греховности; отпадение – символ зла; изображение столпов – символ тверди; уста – символ Праведника; рог – символ победы, спасения, Церкви; череп – символ смертности; изображение крылатого летящего круга – символ херувима; изображение дракона – символ темных сил; солнцеобразный венец – символ вечной славы и т.д.). Они находят параллели в древневосточных изобразительных приемах. Нужно подчеркнуть также, что семиотические потенции глаголицы, в силу уже отмеченной комплексной природы ее знаков, поддерживаются расчлененным, двойным, дублирующим характером создания образа в парных кодирующих системах, ориентированных на разные способы восприятия: вербальной – в имени буквы (**Глаголи**) и визуальной – в начертании (**Љ**). Как уже говорилось, потенции символа всегда шире данной реализации, символ определяется как знаковое выражение высшей и абсолютной незнаковой сущности. Глаголические буквы-иероглифы, в которых древним славянам было явлено евангельское слово, обеспечивали возможность не только его прочтения, но и «чувственного» восприятия текста через созерцание.

Христианское вероучение о Богочеловеке Христе, соединившем всю полноту и божественной, и человеческой природы, в Евангелии передано в двух главенствующих идеях: в идее Его мессианства – *нисхождения* от Бога-Отца и *восхождения* – и Его человеческой *рождаемости*, которые получили отражение в Никео-Цареградском Символе веры. Эти важнейшие аспекты христианского религиозно-философского содержания, как увидим далее, находят последовательное символическое выражение в глаголице, как бы скрепляя ее структуру в символическую «матрицу»³.

Приблизиться к пониманию матричного принципа, заложенного в структуре глаголицы, помогает в разных смыслах ключевой знак азбуки – **Слово** **Љ**, а также ряд сопряженных с ним знаков, парадигматически и синтагматически взаимодействующих в семиотической системе глаголицы. **Слово** **Љ** – двадцатая по счету буква азбуки, вместе с двумя другими буквами, завершающими десятизнаковые ряды – десятой (**Ижен** **Ѹ**), ее место устанавливается по Азбучной молитве) и тридцатой (**ІѦръ** **Ѧ**), а также с 33-й по счету буквой (**Хль** **Ѡ**) образует закономерный ряд, трактуемый нами как христианская символическая матрица глаголицы: **Ѹ** **Љ** **Ѧ** **Ѡ**.

Образ Слова предстает уже в самых первых строках Библии, в Бытии, как символ созидательной силы Творца, как онтологическое начало Сущего, как Божественный Логос, первопричина Вселенной и Жизни, творческая энергия, которая исходит от Бога. Образ Слова переходит и в Новый Завет, в Евангелие. Он главенствует в Евангелии от Иоанна, в котором как ключевой символ открывает текст. Слово в Евангелии знаменует все три божественные ипостаси: и Отца, и Сына, и Святого Духа. Оно предстает как многомерный, фокусирующий в себе тринитарную символику образ. Но все же чаще всего выражает центральную евангельскую идею о Спасителе, о Мессии, **нисшедшем** на землю в образе Христа, принявшем ее грехи и страдания и **восшедшем** к Богу-Отцу. Постоянно повторяются слова Христа, тревожащие души учеников, о Его нисхождении и Его ожидаемом восхождении. Именно этот смысл, переданный в Евангелии и сопровождающий образ Слова, помогает раскрытию содержания символов глаголической матрицы.

Обратимся к их начертаниям. В соответствии с традицией формального палеографического подхода (без графических на то оснований, а только по сходству обозначаемых звуков) интересующие нас знаки производились из букв других алфавитов. Знак **Слово** **Љ**, производился от латинского S (Й. Добровский), от греческой σ – сигмы (П.И. Шафарик, Фр. Рачки, И. Ягич). **Ижен** **Ѹ** рассматривался как знак, производный из латинского курсивного *upsilon* – γ (Л. Гейтлер), выводился также из греческих $\epsilon\iota$ – эпсилон + йота (И. Тейлор), из греческой η – эты (И. Ягич) и т.д. До сих пор не было найдено объяснение тому, какое значение имеет каждый из знаков **Ѹ** и **Љ**, что означает месторасположение элементов (треугольника и круга) в буквах **Ижен** **Ѹ** и **Слово** **Љ** [5].

В данной концепции начертания знаков **Ижен** **Ѹ** и **Слово** **Љ** рассматриваются как графические символы, передающие мессианскую идею. Начертание буквы **Слово** **Љ**, как и форма **Ижен**

³ Понятие «матрица» в отношении к азбучной системе глаголицы используется в условном значении, а не в специальном терминологическом смысле.

Ѧ, второй из двух рассматриваемых букв, обладающих поразительной симметрией и состоящих из христианских символов круга (символа вечности, бесконечности, Бога) и треугольника (символа Троицы), является символом со своим особым содержанием, которое имеет опору в тексте Евангелия, и, прежде всего, Евангелия от Иоанна. Направление острия треугольника – вниз к кругу в **Ижеи** Ѧ и вверх к кругу в **Глаго** Ѧ – графически выражает соответственно понятия **нисхождения** и **восхождения**, а вместе – идею Спасителя, пришедшего от Бога-Отца в мир и возвратившегося к Отцу.

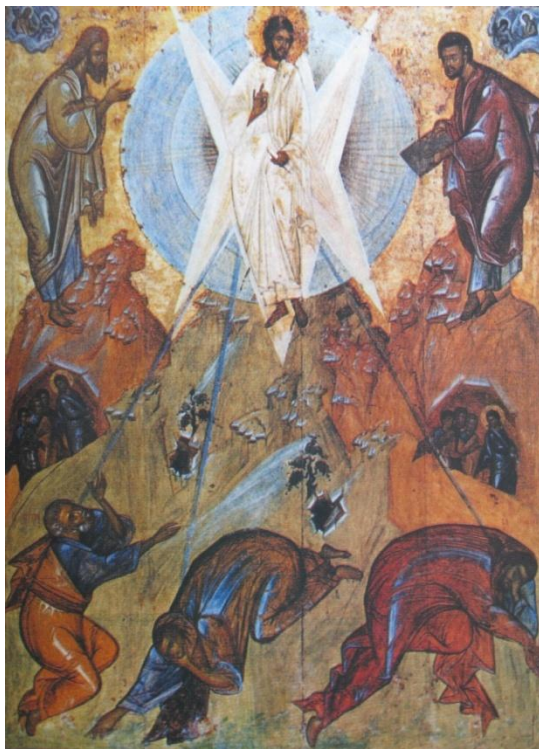

Рисунок 3 – Символы Нисходящего и Восходящего на иконе «Преображение» Школа Феофана Грека; начало XV в.

Мысль о небесном происхождении Иисуса, нисходящего от Бога и возвращающегося к Богу, последовательно развивается в главах Евангелия от Иоанна. Вся первая глава содержит символический контекст, раскрывающий небесное происхождение Иисуса: отверстое небо, Дух, сходящий с небес, как Ангел, Ангелы – нисходящие и восходящие. Все это божественные знаки, сопровождающие Мессию, так как **нисхождение** и **восхождение** – это путь одного только Христа. Об этом и сказано в Евангелии: *Приходящий свыше и есть выше всех* (Ин. 3, 31).

Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю Пославшего Меня Отца (Ин. 6, 38); *Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах; И как Моисей вознес змию в пустыне, так и должно вознесу быть Сыну Человеческому* (Ин. 3, 13–14); *Что ж, если увидите Сына Человеческого восходящего туда, где был прежде?* (Ин. 6, 62).

Евангелие от Иоанна, как об этом сказано в ЖК, было первым текстом, который Константин-Кирилл начал переводить на славянский язык. Разработанная им азбука графически запечатлела доминирующую идею Евангелия от Иоанна, которая также лаконично и выразительно сформулирована в посланиях апостола Павла: *А «восшел» что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли? Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес* (Еф. 4, 9–10).

Новозаветные тексты – Евангелие от Иоанна и Послание апостола Павла к ефесянам – отсылают к книгам Ветхого Завета, к Притчам Соломона: *τίς ἀνέβη εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ κατέβη* (Притч. 30, 4) – *Кто восходил на небо и нисходил?* (Притч. 30, 4); а также к шестьдесят седьмому псалму Давида, где о Христе сказано: *ἀνέβη εἰς ὕψος...* (Псалм. 67, 19) – *Ты восшел на высоту* (Пс. 67, 19).

Славянские *восшедший* и *нисшедший* являются точным переводом греческих терминов *καταβῶς* и *ἀναβῶς*, используемых в Библии для передачи божественной природы Мессии. Эти термины, проходящие через Ветхий и Новый завет, являются ключевыми для понимания сверхъестественной сущности Христа. Именно эти терминологические обозначения библейских понятий и нашли отражение в двух символах глаголической матрицы.

Тридцатая по счету буква **ІѢръ Ѣ**, завершающая третий ряд азбучной матрицы, имеет не менее символическое содержание. Начертание этой буквы палеографы связывают с греческой омикрон, а ее имя обычно производят от греч. *ἄερο* – «воздух». Однако в предлагаемом здесь контексте этимология этого имени вступает в соотношение с греч. *ἱερός* – священный. Зимствованный из греческого языка корень греч. *ἱερός* присутствует в таких старославянских словах, как **иераполь**, **иерен**, **иеренскъ**, **иеренство**, **иероусалимъ**.

Формой своей буква **ІѢръ Ѣ** соответствует образу человеческого эмбриона и, по нашей концепции, является символом человеческого рождения. **ІѢръ Ѣ** есть символ плода во чреве, плода в утробе, о котором говорится в Библии как о благословенном даре Бога: *Вот наследие от Господа: дети; награда от Него – плод чрева* (Пс. 126, 3); *Благословен плод чрева Твоего* (Лк. 1, 42).

Представление о зародыше – одно из важнейших в христианском миропонимании. Оно утверждает божественное творение жизни. В утробном состоянии своем человек уже ведом Богу и подвластен Ему: *Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы. Зародыш мой видели очи Твои* (Пс. 138, 16).

В старославянском языке этот емкий образ передается лексемой **нeсделанное**, что соответствует греческому *ἀκατέργαστόν* – *необработанный, необделанный* [см. в древнеболгарском тексте Болонской Псалтыри (БП. 222б): **ты създа жтробж моѡж и прижтъ мл чръва мтрѣ моѡж... не ѡтан са кость моа ѡт тебе жже створи въ таниѡ... несделанное мое видѣстѣ ѡчи ти...**].

Пояснения требует то особое религиозно-символическое значение, которое несет в себе **ІѢръ Ѣ** как третий знак глаголической матрицы. Какой смысл приобретает он, следуя за символами, обозначающими нисхождение и восхождение Иисуса? В евангельском тексте, хотя и не в открытой форме, передано концептуальное различие понятий *Единородный* и *Первородный* и особое содержание, заключенное в каждом из них: *Единородный* – от вечности единый с Богом-Отцом, *Первородный* – первым от человечества рожденный для вечности. Это содержание, составляющее доктрину христианства, рассредоточено в разных текстах Нового Завета, в основном в Евангелии от Иоанна: *Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него* (1Ин. 4, 9); *И мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца* (Ин. 1, 14); *Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу. Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобным образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями* (Рим. 8, 28–30).

Эти знания «о Боге и Его Единородном, именно о том, какова природа Единородного, каким образом Он делается Сыном Божиим», отцы Церкви относят к неизреченным тайнам, скрытым под словами. Иоанн Дамаскин в «Точном изложении православной веры» дает объяснение: «*Первородным* же Он называется потому, что, будучи единороден, *от Матери*, сделался человеком, а через Него и мы сделали сынами Божиими» [6]. В соответствии с приведенным контекстом **ІѢръ Ѣ** в синтагме глаголической матрицы является знаком естественного, «человеческого» рождения и получает символическое значение **первородности** Христа: *Рождество Иисуса Христа было так... оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого* (Мф. 1, 18); *И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус* (Лк. 1, 31).

Отражение этого понятийного содержания в матрице миссионерской азбуки, созданной Константином-Кириллом Философом во второй половине IX в., не только вполне закономерно, но и очень значимо. Во времена Кирилла еще свежи были отголоски дискуссии о свойствах трех ипостасей Троицы и о первородстве Сына. Нерождаемость Отца, рождаемость Сына и исхождение Духа от Бога Отца были определены константинопольским православным священством как важнейшие свойства Троицы. Константином-Кириллом Философом они были обозначены в первых строках «Написания о правой вере»: «*Прославляю Троицу в Ипостасях, то есть Лицах, из Которых Каждое Лицо, неслитое и нераздельное, сохраняет свойства неслитно, неизменно и непрелагаемо. (Свойство) Отца – нерождаемость и причинность всего сущего от Него; (свойство) Сына – рождаемость; (свойство) Духа – исхождение*» [7].

Итак, понятие рождаемости Христа является одним из ключевых для православия, а обозначения **единородный** и **первородный** имеют так же, как и рассмотренные выше **нисходящий** и **вос-**

ходящий, концептуальный характер для православного вероучения. Их содержание и «высвечивают» символы глаголицы. Поскольку идея рождаемости Христа является ключевой для Нового Завета, то и символ человеческой рождаемости оказывается очень значимым для символического кода глаголицы. Следовательно, и форма третьего знака **ІѢръ ѿ**, передающего своим начертанием идею рождения, и «место» его вполне закономерны.

В четвертом ряду алфавита особое значение для понимания идеи матричной организации алфавита получает буква **Хлъ (хлъмъ) Ѡ**. Этот знак обнаружен в четырех случаях: трижды в Синайской псалтыри и в одном употреблении в Ассеманиевом евангелии. Во всех четырех случаях он использован в слове **хлъми**. Прежде исследователи, руководствуясь в основном лишь палеографическим подходом, не обратили внимания на семантико-контекстуальные условия употребления знака, а также на религиозно-символическое значение слова **хлъми** в Библии, и поэтому символическая природа буквы **Хлъ Ѡ** оставалась не раскрытой.

В Синайской псалтыри не только буква **Хлъ**, но и соответствующее ей слово **хлъми** встречается три раза: в 64-ом и в 113-ом псалмах (два раза). В этих псалмах радующиеся холмы служат образом ликующей природы в ожидании пришествия Бога во славе: *Ты посещаешь землю, и утоляешь жажду ее... Венчаешь лето благодати Твоей, и стези Твои источают тук, источают на пустынные пажити, и холмы препоясываются радостью* (Пс. 64, 10, 12–13).

Тот же образ холмов при приготовлении мира перед пришествием Бога во славе содержится и в 113 псалме Синайской псалтыри, и в Ассеманиевом евангелии. В тексте пророка Исаии, к которому отсылает евангелист, находим описание ожидаемой сцены явления Господа: *Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий* (Ис. 9, 2); *Восстань, светись, Иерусалим, ибо пришел свет твой, и слава Господня возшла над тобою* (Ис. 60, 1–2); *Господь будет для тебя вечным светом, и Бог твой – славою твоею* (Ис. 60, 19); *И будешь венцом славы в руке Господа* (Ис. 62, 3).

Образ радующихся холмов соответствует и содержанию древнеславянских азбучных стихирей, где радующиеся холмы изображаются в строках, соответствующих букве **Хлъ**.

Итак, ассоциативный ряд, который вызывает слово **хлъмъ** в контексте его употреблений в библейских текстах, имеет следующий вид: радующиеся холмы – озаренные солнцем священные холмы, которые символизируют славу Господа на земле, венец Его силы. Это иносказание, аллегорический образ солнца, зажигающего мир подобно сияющему венцу и символизирующего славу Господа. Соответствует этому значению и форма знака **Хлъ Ѡ**. Он представляет собой круг с четырьмя спиралевидными лучами. Обращают на себя внимание размеры знака. Во всех дошедших до нас употреблениях, в особенности, в Ассеманиевом евангелии, он заметно выступает из строки, поднимаясь над другими буквами (см. форму знака в Ассеманиевом евангелии) [8]. Он подобен солнцу и венцу. Графический облик знака указывает на смысловой план аллегории: солнце – свет веры, праведность – Бог.

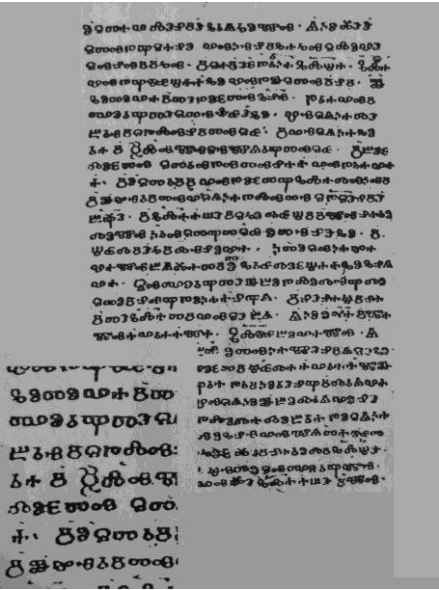

Рисунок 4 – Образец круглой глаголицы (Ассеманиево евангелие, X в. Рим. БВ. Cod.Vat. Slav. 3. Л. 1386)

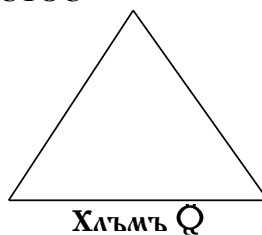
Солнцеобразный знак как символ верховных сил мироздания с многоплановым содержанием присутствует во многих культурах с древнейших времен. Его мы находим в мифологии и искусстве Дальнего и Ближнего Востока, Африки и Америки. С солнцем, которое является «основой мирового правопорядка, мерилom дня и ночи, источником жизни», сравнивается праведность в сочинениях кумранитов: «...как тьма отступает перед светом, так исчезнет нечестие навеки, а праведность откроется, как солнце...». Этот древний и многоплановый религиозно-философский смысл был впитан Ветхим Заветом, а затем воспринят и в сочинениях христиан. В их толкованиях Псалтыри солнце, горы и холмы символизируют христианское вероучение и самого Христа. Григорий Богослов уподобляет вознесение Христа во славе восходу солнца: «Как солнце из западов восходит на востоки, так и Господь как бы из внутренностей ада взшел на небеса небес, на востоки собственной своей славы и светлости» [9].

В Болонской псалтыри (БП. Л. 103б, 117, 186б), с толкованиями, приписываемыми одному из отцов церкви Афанасию Александрийскому, холмы символизируют и Священное Писание, и Христа, и холм его Вознесения:

Тексты Болонской псалтыри	Толкование
Разъвоотъѣжтъ краснаа поустыни радостіѣж хълми прѣполашжтъса (л.103б)	Аплы хълмыѣж и кънигы наричжтъ
Да примжтъ горы миръ людеи и хълми правѣдѣж (л.117)	Горы сжтъ прци хълми же апли обое же хъ есть
И хълми лако агньци овъчии (л. 186б)	радость хълма възнесенна нашего въсходитъ

Таким образом, глаголический знак **Хлъ** ☉ является также сакральным символом христианства. Его символическая природа постигается только при комплексном семиотическом и культурно-историческом подходе, когда форма знака анализируется в соотношении с его именем и порядковым номером и когда целостная структура знака рассмотрена в первую очередь в контексте Библии и шире – в содержательном контексте славянской православной культуры. При таком комплексном подходе обнаруживается очевидная, обусловленная содержательной структурой религиозного символа, связь между формой солнцеобразного знака, его именем **Хлъ** (и звуковым значением), а также порядковым номером. Тернарное соотношение между смысловым планом и планом выражения у данного символа имеет следующий вид:

Глубинный понятийный план – **ХРИСТОС**

Имя буквы – словесный графический знак – аллегорический образ символ вознесения и вознесения славы Господа; порядковый номер буквы **Хлъ** (33-е место в азбучном ряду) также не случаен и имеет символическое значение: он соответствует возрасту Христа в момент Вознесения.

Таким образом, в глаголической матрице в последовательности 10-го, 20-го, 30-го и 33-го знаков заключена евангельская идея о Христе. Она передана тоекратно на разных кодовых азбучных уровнях: на фонетическом, на уровне имен букв, на уровне визуальных символов. Фонетические значения букв **Ижен, Слово Ієръ, Хлъ** образуют имя Иисуса Христа в подтитловом обозначении **Ѹ Ѻ ѣ Ѡ = И Ѣ Ѥ = Иисус Христос**.

Сокровенная мысль о Спасителе иносказательно передана в именах букв **Ижен, Слово, Ієръ, Хлъ** = «Тот, Который», «Слово», «Священный», «Холм». Она запечатлена и в графических символах, совершенных по красоте и выразительности, имеющих явную иероглифическую природу и передающих своей формой сакральное содержание: **Ѹ Ѻ ѣ Ѡ = Нисхождение, Восхождение,**

Рождение, Вознесение. Весь ряд читается как единый текст: **Нисходящий и Восходящий рождается (пребудет) в вечной славе.**

Всю последовательность четырех глаголических знаков следует рассматривать как высказывание на символическом языке, как своеобразную эмблему, заключающую в себе доктрину православия. Сокровенная истина христианства, заключенная в текстах Нового Завета и указывающая человечеству **путь спасения через возрождение духа**, как в эмблеме запечатлена в структуре глаголической азбуки. Этот факт не может быть случайным, поскольку содержательная обусловленность и единство всех элементов рассматриваемого знакового ряда исключительно высоки. Все элементы взаимосвязаны: количество знаков, их последовательность, фонетические значения, имена, начертания. При этом каждая из этих составляющих заключает особый аспект значения, существенный для символизации христианской идеи. Матричное построение является закономерностью, отражающей рациональную природу глаголической азбуки. Можно говорить, что матрица глаголицы представляет собой Символ веры в буквальном смысле слова. Ниже в тексте Символа веры выделены те ключевые слова, которые получили отражение в матрице глаголицы:

Символ веры
Верую во единого Бога Отца, Вседержителя,
Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.
И во единого Господа Иисуса Христа,
Сына Божия, *Единородного, иже от Отца рожденнаго* прежде всех век;
Света от Света, Бога истинна от Бога истинна,
рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша.
Нас ради человек и нашего ради спасения *сшедшаго* с небес
и *воплотившагося* от Духа Свята и Марии Девы, и *вочеловечшася*.
Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна.
И *воскресшаго* в третий день по Писанием. И *возшедшаго* на небеса, и седяща
одедную Отца. И паки *грядущаго со славою* судити живым и мертвым,
Егоже Царствию не будет конца.
И в Духа Святаго, Господа животворящаго, иже от Отца исходящаго,
иже со Отцем и Сыном спокланяема и славима, глаголавшего пророки.
Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.
Исповедую едино *крещение* во оставление грехов.
Чаю воскресения мертвых, и жизни будущаго века. Аминь

Нельзя не видеть двусторонней связи между содержанием Символа веры и знаками глаголической матрицы. Наиболее значимые смыслы Символа веры получают отражение в матричных знаках. Одновременно все значения, получившие отражение в матрице глаголицы, связаны с содержанием Символа веры. Идея крещения заключена в первой букве алфавита **Азъ †**.

В рассмотренной структурной особенности первого славянского алфавита нашло отражение одно из древнейших учений, составляющих основу православия – оноματοдоксия, или имяславие, предполагающее почитание мистического символа имени Бога как наивысшей реальности. Согласно этому учению, имя Божие понимается как энергия сущности, которая есть сам Бог. Представителями этого учения были великие каппадокийцы и другие отцы Восточной Церкви, столь почитаемые Константином-Кириллом.

Глаголическая модель Вселенского круга

Итак, проведенный системный анализ опорных букв глаголицы позволяет со всей определенностью говорить о том, что символическим значением обладают имена и начертания знаков, занимающих ключевые места в азбучном ряду и образующих его матрицу. Вместе с тем и система глаголицы в целом в своей структурной организации, в значениях имен букв и в значениях знаков-образов глубоко продумана как целостный многомерный символ христианской культуры – символ Божественного мира. Этот всеобъединяющий смысл многократно повторяется в отдельных элементах азбучного ряда (принцип соозначения) и заключен в символическом содержании всей азбуки. Характерным признаком глаголической знаковой системы как системы символической является свойство аккумулировать содержательное пространство культуры и кодировать («свертывать-развертывать») его смыслы. Это свойство обнаруживается в парадигматической и синтагматиче-

ской сочетаемости знаков-символов, их способности синтезировать более сложные символические образы, одновременно представлять различные аспекты единого содержательного комплекса, выражать и формировать христианское восприятие и сознание древнего славянина. Все эти особенности свидетельствуют о системном характере глаголицы, о ее рациональной природе, о скрытом присутствии в ней автора, воплотившего в первом славянском алфавите образ божественного Универсума. Считаю необходимым выделить принципиальное положение, что в знаковой системе глаголицы запечатлено предельно широкое знание о мире, включая представление о космосе, соответствующее астрономическим интересам эпохи Кирилла. Предметом последующего рассмотрения и является космологическая, вселенская идея, запечатленная в Библии и нашедшая отражение, по нашему мнению, в семиотической системе первых славянских букв.

Священное Писание изобилует загадочными картинками бесконечного космоса, свидетельствующими о величии и всемогуществе Творца. Присутствие большого космоса, «знамения небесные» определяют события исторической канвы и Ветхого Завета, и Пророков, и Нового Завета. В книгах Библии присутствует представление древних о Зодиаке, запечатлена карта небес и основных созвездий, наблюдаемых на востоке, их движение и изменение. Метафорическими образами обозначен в Писании загадочный и непреложный круговорот времени, передано представление о четырех важнейших временных координатах, связанных с наблюдаемыми изменениями в движении солнца – летнем и зимнем солнцестоянии, весеннем и осеннем равноденствии. Переданные символически астрономические, пространственные и временные представления в Писании складываются в космогоническую картину мироздания, центр которой есть Бог, творящий своим словом Вселенную и землю, тьму и свет, светила и времена года, и человека по своему образу и подобию. Представление об отраженной в Библии астрономической символике, сопряженной с духовно-религиозной символикой, находим в сочинениях «учителей» Константина-Кирилла Философа – в творениях Григория Богослова, Дионисия Ареопагита, Иоанна Дамаскина.

Открывающийся сквозь «священные завесы Писания» образ божественного мира, образ Вселенной, и является, по нашему мнению, той онтологической основой, которая нашла отражение в семиотической модели глаголицы. Совокупное значение глаголических символов состоит в выражении Божественной вселенной, образ которой христологичен, богочеловечен. В средневековом христианском миропонимании отношения человека и Вселенной, как пишет Вл. Лосский, «как бы опрокинуты по сравнению с античными представлениями». Здесь, как и Бог, человек является не частью Вселенной, а ее центром, «не человек спасается Вселенной, а Вселенная человеком, потому что человек есть ипостась всего космоса [10]. Эти отношения «Я» человека со Вселенной устанавливаются через обретение Божественной полноты, через «сообразность», «соподобие» человека Богу.

Подобно тому, как в Писании полнота Бога предстает в разнообразных отдельных именах, соответствующих всему, что существует: *Я есмь Сущий, Благо, Знание, Слово, Все сущее* – подобно этому и в славянской азбуке образ Божественной вселенной возникает из всеобщности, соединения всех элементов азбучного ряда и во всех ипостасях: форма буквы, имя буквы, место в алфавите.

Пространственная модель глаголического вселенского круга реконструирована методом пространственно-графического моделирования, она отражает календарный принцип, заключенный в структуре глаголической азбуки, основанный на двенадцатичной системе счисления. Объективность кодирования этого принципа в азбуке выявляется и в отвлечении от графического моделирования, она обнаруживается в повторяемости через интервал в 12 элементов семантически однопорядковых символов. Таковы, например, символы материального мира: 9-й знак **Земля** **Ѡ**, 21-й – **Тврѣдо** **Ѱ**, 33-й – **Хлъ** (Холм) **Ѳ**. Им противостоят повторяющиеся через тот же цикл символы духовного мира: 3-й – **Вѣдѣ** **Ѵ** (ведение), 15-й – **Мыслитѣ** **Ѷ**, 27-й – **Цы** (Црькы) **Ѹ**.

Началом построения модели глаголического вселенского круга служит первый знак **Ѡ** **Азъ**, крестообразная форма которого подсказывает его положение как центра некоторой системы координат. Помимо того, что крест является главным символом христианства, символом распятия и хризмомом – знаком, осеняющим начало всякого творения, он также символизирует основы мироздания. В библейском контексте и форма, и имя буквы символизируют Бога.

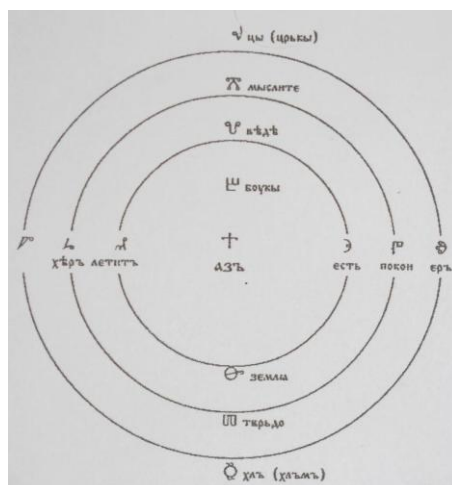

Рисунок 5 – Модель глаголического вселенского круга

Второй знак – **Ш Боуки**, получает в модели функцию знака-вектора, указывающего направление разворачивания азбуки: вверх и вправо. Форма **Боуки** подобна профильному изображению Оранты с воздетыми в молитве руками. Такой образ более всего напоминает начертание этой буквы в Зографском евангелии – **Ш**. Изображение молящегося человека является одним из древнейших символов мировой культуры. Этот образ типичен и для Библии, в особенности часто он встречается в Псалтыри: *оуслыши ги гла(сь) молитвѣи моеѣи егда въздѣѣж рѣцѣ моѣ къ црквѣи стѣи твоѣи* ([Син.] Пс. 27, 2): *оуслыши ги глась матвы моеѣи вънегда въздѣѣти ми рѣцѣ къ цркви стѣи* ([Нор.] Пс. 27, 13).

Подобный образ характерен и для раннехристианских росписей катакомбного периода. И Азбучная молитва, которую считаем творением Кирилла, открывается молитвенным образом: *АЗЪ словомъ симъ моижъ сѧ Богоу... Рѣцѣ во свои горѣ въздѣѣжъ присно...*

Устремленный вверх **Боуки** как бы «подсказывает» место следующего знака – **Вѣдѣ Ѡ**, начертание которого тождественно форме зодиакального символа Овна, а потому занимает точку верха и определяет зодиакальный принцип построения всей знаковой системы. Таким образом, три первых знака задают принципы разворачивания всей знаковой системы: от центра – вверх и вправо, по спирали, по солнцу, по часовой стрелке.

Ряд последующих знаков – **Глаголи Ѡ**, **Добро Ѡ**, **Есть Э**, **Земля Э** – содержат в своих начертаниях идею движения по кругу (в начертании **Добро Ѡ** идея кругового движения заключена в принципе зеркальной симметрии, в отраженном характере формы по отношению к **Вѣдѣ Ѡ**, этот принцип повторяется также в начертаниях **Ижеи Ѡ** и **Слово Ѡ**).

Выстроенная последовательно по кругу, вся азбука умещается в три витка и образует совокупный целостный символ единства и полноты Вселенной. В нем отражается религиозно-нравственное, эстетическое и естественнонаучное знание эпохи. Отражено представление о Зодиаке и четырех важнейших созвездиях зодиакального круга, соответствующих точкам весеннего (**Вѣдѣ Ѡ**) и осеннего (**Земля Э**) равноденствия, летнего (**Есть Э**) и зимнего (**Летитъ Ѡ**), солнцестояния. Соответствие усматривается как в последовательности знаков, так и в их начертаниях. Это представление о солнечном и лунном циклах. Наконец, представление о принципе устройства солнечно-лунного календаря, знание структуры которого необходимо для вычисления последовательности христианских праздников.

Соотнесенность глаголического круга со строгой календарной системой солнечно-лунного календаря [11] объясняет не только начертания и последовательность конкретных глаголических знаков, но и общее количество изобретенных Кириллом букв – 38. В принципе модель солнечно-лунного календаря наглядно может быть показана с использованием именно тридцати восьми знаков, один из которых получает значение центра, 36 – символизируют три календарных года по 12 месяцев, а еще один знак (в модели глаголического круга это **Ш Боуки**) символизирует «эмболистический», дополнительный к трем лунным годам месяц, приравнивающий лунный круг к солнечному и обеспечивающий возможность вычисления важнейшего для христианства цикла праздников – пасхалий.

Основанием, подтверждающим календарный принцип организации глаголической азбуки, служит наличие в славянской средневековой христианской книжной традиции разновидности памятников, именуемых «Круг миротворный», которая опирается на **василієвы книги**, на традицию, идущую от святых отцов, которая не могла не быть известна Константину-Кириллу Философу⁴. Однако сегодня уже очевидно и то, что содержание глаголицы не исчерпывается одной только календарной символикой. Ее предназначение (и значение) неизмеримо шире. Эта уникальная азбука, сочетающая свойства фонографического и идеографического письма, является энциклопедией в символах.

Как целостный символ глаголический круг отражает и более древние религиозно-философские построения, в частности античную модель космоса в виде концентрических слоев вокруг центра, где космос божественности включает в себя все: «одно подвижное, другое покоящееся», в центре его категории Знания, Разума, Души. Обращает на себя внимание присутствие и в глаголическом круге символов **Ѡ ѡ**, **Мыслитѣ Ѡ**, **Летитѣ ѡ**, **Покои Ѡ**. Но если центром Вселенной в античной космологии служит абстрактное Первоединое, то глаголическая модель мира ориентирована на центральный христианский символ Абсолюта. В божественном мире в симметрии и равновесии пребывают противоположные между собой свет и тьма, покой и движение, добро и зло, а осью, удерживающей равновесие, служат: холм вознесения (**Ѡ хль**) – крест (**† азъ**) – ведение, софийность (**Ѡ ѡ Ѡ** – **Ѡ мыслитѣ**) – вера, Церковь (**Ѡ цы**).

Точку соприкосновения между моделью глаголического круга и христианскими символами можно обнаружить в традиционных христианских изображениях, начиная от храмовых росписей древнейшего, катакомбного периода до более позднего искусства оформления мозаик алтаря и купола синайских, равеннских, константинопольских храмов, алтарных апсид римских церквей. Примечательно, что круг со вписанным крестом многократно изображен на гробнице Константина Кирилла-Философа в Риме, в базилике св. Климента.

Рисунок 6 – *Клоцас Дж. О тебе радуется* (XVI в.; темпера по дереву)

⁴ Такого рода памятником является, например, рукопись 1492 г. № 103 по «Описи фундаментального собрания Московской духовной академии» (РНБ Ф. 173.1). Здесь говорится: «**об азбѹкахъ, ими же пасха и маслопѹсты обрѣтаются**», рассказывается о том, как по солнечному и лунному календарным кругам на основании **книжной** (т.е. азбучной!) системы «**искати христїаномъ пасхи**» – определять время празднования Пасхи, а также других подвижных и неподвижных христианских праздников.

Модель круга графически акцентирует главенствующую в азбуке религиозно-нравственную идею духовного восхождения к Богу на пути к Церкви как цель человеческой жизни. Она утверждает первичность для человека духовных и нравственных ценностей по сравнению с материальным миром и выражена через вертикаль, поднимающуюся от знака холма к символу Церкви: **Q хль (хльмъ) – III тврѣдо – O зѣмля – T азъ – Ш воуки – U вѣдѣ – X мыслитѣ – V цы.**

Имя буквы **Цы** **V** объясняется мной как сокращенное (подтитловое) **црькы**. Форма буквы **V** символизирует «рог спасения», так называется Церковь Христа в Библии: *Он возвысил рог народа Своего* (Пс. 148, 14); *Рог Его вознесется во славе* (Пс. 111, 9); *И воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока Своего* (Лк. 1, 69); *Господь – твердыня моя и крепость моя ...рог спасения моего* (2Цар. 22, 2–3).

Связь этой заключенной в азбуке идеи с духовно-нравственными позициями Константина Кирилла Философа, на мой взгляд, очевидна. Вспомним его определение философии: «Знание вещей божественных и человеческих, насколько может человек приблизиться к богу, который учит человека делами (своими) быть по образу и по подобию сотворившего его» (ЖК).

Глаголица отражает не только философию веры, но и философию этики. Она утверждает идею добродетельного образа жизни. Ее имена образуют ключевые заповеди Библии, выраженные в азбучных именах. Показательна их смысловая связь с контекстом тридцать шестого псалма, содержащего правила добродетельной жизни: в нем символ уст Бога и Праведника сочетается с понятиями ведения, премудрости, добра, уста Бога обращены к Земле:

оуклони сѧ зѣла і сътвори добро . і живи въ вѣкъ вѣкоу . праведници же наследятъ землѧ (Пс. 36, 27–34).

Уклоняйся от зла, и делай добро, и будешь жить вовек...; Праведники наследуют Землю. И еще: Уста Праведника изрекают премудрость... Будущность такого человека есть мир (Пс. 36, 27–37).

В этом псалме последовательно разворачивается смысловой комплекс: «Твори добро и будешь жить вечно, наследуя, согласно закону, землю». Соотносительный смысловой ряд устанавливается и у глаголических азбучных символов.

Таким образом, мы видим в азбуке Кирилла не только совершенно оригинальную графическую систему, но и символическую модель мира, основанную на религиозных, философских, этических, эстетических, естественно-научных представлениях времени. Она не повторяет каких-либо предшествующих систем письма, хотя некоторые историки утверждают, что «всякое новое письмо подключалось к раз навсегда найденной схеме и после греческого письма в Европе не появилось ничего нового» [12, с. 146]. С такими утверждениями невозможно согласиться. Любые попытки выведения глаголицы из какого-то «чужого» письма не соответствуют ни природе глаголицы, ни историческим свидетельствам о появлении письма у славян. Славянская азбука не складывалась, как греческое письмо, продолжительное время, но появилась как результат вдохновенного творческого акта, она была составлена за короткий срок, в течение которого ее буквы, как знаки литургического письма, не могли сколько-нибудь существенно видоизмениться. Наука и не располагает памятниками, которые свидетельствовали бы о постепенном преобразовании начертаний в глаголические.

Первая славянская азбука являет собой результат высочайшего интеллектуального и духовного озарения. Духовное обновление славян и их «буквенное» прозрение состоялось во время разлома старого мира, которое стало «поворотным пунктом» в развитии европейской культуры. Для славян прежде всего это было время откровения, когда Бог пришел к «своим» и «дал власть быть чадами Божиими» (Ин. 1, 12). Ситуация Богоявления и запечатлена Кириллом в глаголице. В ее символических знаках и именах были завещаны и навечно закреплены для славян слова Завета как нравственные ориентиры, как духовное напутствие.

Заключая, отметим: в статье показаны онтологические, сущностные (по сути христологические) снования символизма первой славянской азбуки, созданной св. Кириллом. Достоверность осуществленной реконструкции подтверждается всем складом древнеславянской культуры, воспринявшей основы византийских знаний – соотносительностью азбуки с библейским контекстом, с контекстом раннехристианской культуры. Глаголическая азбука, не «укладывающаяся» в традиционные лингвистические гипотезы, рассматриваемая в контексте христианской культуры, отвечает принципам символического богословия, которые получили развитие в сочинениях отцов Восточной Церкви. Символическое содержание азбуки в полной мере отвечает и религиозно-

философским идеям, запечатленным в творчестве самого Константина-Кирилла Философа (в Написании о правой вере, в текстах диспутов, в его определении философии), а также свидетельствам о славянском первоучителе, отраженным в исторических памятниках. Именно св. Константин-Кирилл, со свойственным ему синкретизмом знания, мог быть автором столь глубоко и многосторонне разработанной знаковой системы.

Глаголица, как можно было убедиться, не является обычной азбукой, она глубоко продумана как символическая система христианства, система символического богопознания. Принципы ее структурной организации, принципы знакообразования, имена букв, их начертания, порядок следования изначально подчинены идее выражения христианского вероучения. Среди немногих известных миссионерских азбук, специально созданных для перевода богослужебных текстов, она является единственной, синтезирующей свойства фонографии и идеографии и воплощающей в начертаниях своих букв религиозно-философскую картину божественного мира. Символические имена и начертания глаголицы обеспечивали возможность не только прочтения явленного славянам евангельского слова, но и мистического его восприятия, созерцания.

Библейский контекст выявляет внутреннее единство форм глаголических букв и их наименований как христианских символов. Содержательно обусловлены библейским текстом образуемые именами букв синтагмы (**Глаголъ добро ксть, Людие мыслите, Ръци слово тврѣдо**). Матричные знаки азбуки образуют графически выраженный Символ веры. Их звуковые значения кодируют имя Христа, имена соотносят идею **Бога-Слова** с понятиями **Священный** и **Холм**, а начертания выражают единство субъекта **Нисхождения, Восхождения, Рождения** и **Вознесения**. Весь ряд глаголицы разворачивается в целостный христианский символ – «вселенский круг» со вписанным крестом. В нем заключена идея равновесия в мире покоя и движения, света и тьмы и удерживающей равновесие вертикали, образуемой символами Вознесения, креста, ведения, разума, веры.

Азбука – начальная символическая матрица – акцентирует идею полноты и разнообразия мира, приоритет духовных ценностей над мирскими, материальными, утверждает нравственные нормы «правой веры», принцип «твори добро» как основу благоденствия человечества. Эти главенствующие принципы сохранения жизни и культуры повторяются далее во всей древнеславянской книжной традиции. Таким образом, в качестве кирилло-мефодиевского наследия славяне получили не только церковнославянский язык, корпус переведенных богослужебных текстов и систему письма, но и четко выраженную в первой славянской азбуке символическую модель культуры, основанную на ценностях христианского мирозерцания. В силу исторических обстоятельств глаголица в дальнейшем утратила роль основной системы письма. Но, выполнив эту функцию изначально, она остается символической матрицей христианского кода культуры.

Рисунок 7 – Свв. апостолы Петр и Павел и фрагмент поздней угловатой глаголицы (РНБ. ОР. Глаг. 1: Зографское евангелие. Л. 43. XII в.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Флоровский, Г., прот. Восточные отцы V–VIII в. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1999. – С. 105.
2. Дионисий. Ареопагит / Пер. и коммент. Г.М. Прохорова. – СПб., 1994. – С. XVIII.
3. Селищев, А.М. Старославянский язык. – М., 1951. – Ч. I. – С. 259.
4. Флоровский, Г., прот. Восточные отцы V–VIII вв. / Г. Флоровский. – М., 1992. – С. 105.
5. Илчев, П. Глаголица / П. Илчев // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. I. – С. 491–509.
6. Дамаскин, Иоанн. Точное изложение православной веры. / Иоанн Дамаскин. – М.; Ростов н/Д., 1992. – С. 279–280.
7. Написание о правой вере, сказанное блаженным Константином Философом, учителем в Боге словенского народа // Журнал Министерства народного просвещения, 1869. – № 6. – С. 74.
8. Асеманиевото евангелие: факсимилно издание / Съст. Иванова-Мавродинова, Джурова. – София, 1981. – Л. 138б.
9. Толковая псалтырь Евфимия Зигабена / Пер. с греч. М., 1882 (репринт – М., 1993). – С. 408.
10. Лосский, Вл. Догматическое богословие / Вл. Лосский // Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 297.
11. Карпенко, Л.Б. О символике глаголицы в связи с проблемой древнеславянского календаря / Л.Б. Карпенко // Преславска книжовна школа. Шумен, 1998. Т. 3. С. 28–42.
12. Фридрих, И. История письма / И. Фридрих. – М., 1979. – С. 146.

ST. CYRIL GLAGOLITIC ALPHABET: ABOUT THE ROOTS OF THE SLAVIC SPIRITUALITY

L.B. KARPENKO

Summary

The article dwells on the concept of phenomenon of the first Slavic Glagolitic alphabet as a Christian symbolic system. A universal nature of the Glagolic alphabet is shown as a system of script, combining the features of phonography and ideography, the appropriate principles of the alphabet and character forming are revealed. Christian symbolic structure, ontology of Glagolic alphabet, created by st. Cyril testifies to the valuable basis of Slavic bookish writing tradition. Together with the alphabet the Slaves got the symbolic model of culture, based on the Christian world outlook.

© Карпенко Л.Б.
© Карпенко Л.Б. – разработка шрифта «Глаголица», дизайн гарнитуры

Поступила в редакцию 4 февраля 2010 г.